

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 2 (18)

2024

Д. А. Карпук

**Духовно-цензорская деятельность
епископа Арсения (Иващенко)**

УДК 271.2-726.2:929

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_67

EDN BUQIVS

Аннотация: В статье на основании архивного и впервые вводимого в научный оборот материала рассматривается духовно-цензорская деятельность в Санкт-Петербургском духовно-цензурном комитете в период с 1872 по 1886 гг. выдающего церковного ученого, византолога, переводчика греческих святоотеческих текстов XII–XV вв. епископа Арсения (Иващенко, 1830–1903). С одной стороны, цензорская деятельность в 1870–1880-х гг. в столичном комитете не была загруженной, что позволяло владыке Арсению заниматься научными изысканиями. С другой стороны, поступавшие на рассмотрение рукописи, книги, брошюры, стихотворения, изображения, даже монеты, требовали пристального к себе внимания. В некоторых случаях возникали конфликты и даже скандальные истории с вынужденным вмешательством высшего церковного органа — Св. Синода. Рассмотренные в статье несколько эпизодов позволяют сделать предварительный вывод, что владыка Арсений, будучи цензором, был максимально тактичным и внимательным. При этом, пропуская довольно большой объем материала, цензор аргументированно запрещал материалы низкого качества, а также те, которые подпадали под ограничения Св. Синода.

Ключевые слова: духовная цензура, акафист, византология, Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет, епископ Арсений (Иващенко), прп. Серафим Саровский, протоиерей Андрей Хойнацкий, Александр Дюма (сын).

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской Духовной Семинарии.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Для цитирования: Карпук Д. А. Духовно-цензорская деятельность епископа Арсения (Иващенко) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 2 (18). С. 67–78.

---

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 2 (18)

2024

Dmitry A. Karpuk

**Spiritual and Censorship Activities
of Bishop Arseny (Ivaschenko)**

UDC 271.2-726.2:929

DOI 10.47132/2587-8425_2024_2_67

EDN BUQIVS

Abstract: The article, based on archival material and material introduced into scientific circulation for the first time, examines the spiritual and censorship activities of the outstanding church scholar, Byzantologist, translator of Greek patristic texts of the 12th-15th centuries Bishop Arseny (Ivaschenko, 1830–1903) in the St. Petersburg Spiritual and Censorship Committee from 1872 to 1886. On the one hand, censorship activities in the capital committee in the 1870s-1880s were not busy, which allowed Bishop Arseny to engage in scientific research. On the other hand, manuscripts, books, brochures, poems, images, and even coins submitted for review required close attention. In some cases, conflicts and even scandals arose with the forced intervention of the highest church body – the Holy Synod. Several episodes considered in the article allow us to make a preliminary conclusion that Bishop Arseny, being a censor, was extremely tactful and attentive. At the same time, allowing a fairly large amount of material, the censor reasonably prohibited low-quality materials, as well as those that fell under the restrictions of the Holy Synod.

Keywords: spiritual censorship, akathist, Byzantology, St. Petersburg Spiritual Censorship Committee, Bishop Arseny (Ivaschenko), Venerable Seraphim of Sarov, Archpriest Andrei Khoynatsky, Alexander Dumas (son).

About the author: Dmitry Andreevich Karpuk

Candidate of Theology, Head of Postgraduate Studies, Associate Professor of the Department of Church History at the St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church History and General Humanities at the Pskov-Pechersk Theological Seminary.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

For citation: Karpuk D. A. Spiritual and Censorship Activities of Bishop Arseny (Ivaschenko). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 2 (18), pp. 67–78.

---

* Photos are taken from open sources.

Епископ Арсений (в миру Антоний Ильич Иващенко, 1830–1903) в научных кругах известен как выдающийся специалист в области истории Византии, переводчик и издатель греческих текстов XII–XV вв.¹, знаток древних и новых языков — латинского, греческого, немецкого, французского, итальянского, испанского, румынского, многих западных славянских наречий². Однако в имеющейся историографии ничего не говорится, за исключением лишь упоминаний³, о цензурской деятельности владыка Арсения, хотя она продолжалась только в столице Российской империи в течение 13 лет. Нельзя не отметить и подчеркнуть, что это был довольно продолжительный срок для такой ответственной и сложной должности. В данной статье мы в общих рассмотрим некоторые аспекты этой деятельности.

Епископ Арсений (Иващенко)

Биография этого архиерея и ученого не так богата на выдающиеся внешние события. Родился он в семье священника Херсонской губернии в 1830 г. Далее последовал традиционный для выходца из духовного сословия путь: учеба в духовном училище, Херсонской духовной семинарии, Киевской Духовной Академии. Примечательно, что, еще поступая в духовную академию, он уже проявлял и демонстрировал недюжинные способности и глубокие познания в области истории. Протоиерей Димитрий Певницкий, однокурсник владыки Арсения, впоследствии вспоминал о вступительных экзаменах в Киевскую духовную академию: «В комиссии по истории председателем был профессор Андрей Васильевич Граников. Ответы были не важные. Но удивил ответами одесский студент Иващенко (скончавшийся в сане епископа Кирилловского). Он обладал обширной памятью. Не помню, какой билет ему достался. Только он говорил много и долго, между прочим, о каких-то царях Тетроках, чего мы и не слыхивали. Кажется, и профессор Граников, вообще требовательный, был удивлен»⁴.

Окончив академию в 1853 г. со степенью кандидата богословия и приняв монашеский постриг, иеромонах Арсений пошел по духовно-образовательному пути: инспектор Одесского училища, учитель Волынской семинарии. В 1859 г. переведен в Воронежскую семинарию, где сначала трудился в качестве преподавателя, а с 1863 г. — инспектора. С 1865 по 1868 гг. являлся редактором «Воронежских епархиальных ведомостей»⁵. С 1868 г., будучи уже архимандритом, о. Арсений трудился ректором Полоцкой духовной семинарии, из которой в 1872 г. переведен на должность члена Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета. В 1886 г. последовало назначение на должность настоятеля Заиконоспасского московского монастыря. С 1889 г. о. Арсений трудился в Московской синодальной

¹ Спаский А. А. † Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, и его труды в области византологии // Византийский временник. 1903. Т. X. Вып. 3–4. С. 667–703.

² Родосский А. С. Памяти преосвященного Арсения, епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Ученые богословские труды покойного // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 936.

³ Кедринский М. † В Бозе почивший Преосвященный Арсений, еп. Кирилловский // Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 5. Часть неоф. С. 265–266.

⁴ Певницкий Д., прот. Академические воспоминания † протоиерея Д. Ф. Певницкого // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 4. Часть неоф. С. 82.

⁵ Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке. Библиографический указатель. Т. 1: А — М. New York, 1998. С. 56.

конторе. Наконец, в 1893 г. в Исаакиевском соборе был рукоположен в архиерейский сан и был назначен сначала епископом Каширским, а потом епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии. От последующих предложений занять самостоятельную кафедру отказывался («никуда от Новгородских святынь»), скончавшись в 1903 г. викарием⁶.

Теперь что касается непосредственно цензурской деятельности, начавшейся в 1872 г. В имеющихся биографических очерках владыки Арсения всегда особо подчеркивается его жертвенность при относительно небольших доходах. Действительно, жалование столичного духовного цензора составляло 1000 руб. в год. И это при том, что, например, годовое жалование доцента духовной академии в это же время составляло 1200 руб., экстраординарного профессора — 2000 руб., ординарного профессора — 3000 руб.⁷ На этом фоне доход столичного цензора выглядел довольно скромным. При этом, согласно действовавшим правилам, цензорам было запрещено занимать одновременно с этим какую-либо другую должность. Предполагалось все время тратить исключительно на цензурирование поступающих рукописей, книг, брошюр, статей и т. п.

При этом свободное время у духовных цензоров, трудившихся в 1870–1880-х гг. было. Объем работы был не таким значительным как в 1850–1860-х гг. Примечательно, что в период в 1870–1871 гг. в Санкт-Петербургском цензурном комитете трудился всего один (sic!) цензор — архимандрит Геласий (Клементьев), который, как видно, вполне справлялся со своими обязанностями, хотя, конечно, и не без напряжения. Безусловно, такую ситуацию нельзя назвать нормальной. На первый взгляд кажущаяся при возросшем объеме литературы парадоксальной ситуация объясняется тем, что именно в 1860-х гг. появляется целый ряд структур, которые взяли на себя по сути дела цензурские обязанности. В качестве примера можно указать на Учебный комитет при Св. Синоде, который должен был с момента своего учреждения в 1867 г. рецензировать все издававшиеся и предназначавшиеся для духовных училищ и семинарий учебники и учебные пособия. Духовные академии, согласно уставу 1869 г., получили право издавать свои периодические издания и монографии наставников под своей собственной цензурой. В каждой епархии, начиная с 1860 г., постепенно учреждаются свои епархиальные ведомости, для просмотра за содержанием которых назначался отдельный цензор из числа духовенства соответствующей епархии. До 1860-х гг. все вышеуказанные материалы должны были проверять духовные цензоры из Санкт-Петербургского и Московского духовных цензурных комитетов. Теперь ситуация изменилась кардинальным образом. Именно поэтому вполне можно согласиться с одним из биографов епископа Арсения, отметившего, что в период службы в Санкт-Петербурге у владыки было время на научные занятия⁸.

Вместе с тем, даже относительно небольшой объем поступающих рукописей требовал особого внимания и осторожности, чтобы не пропустить в печать откровенно слабые и даже вредные тексты. Относительно безболезненно проходили цензуру статьи для духовных столичных журналов (например, для журнала

⁶ Родосский А. С. Арсений (Иващенко), епископ // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина: в 12-ти томах. Т. 1: А — Архелая. Пг., 1900. Стб. 1068–1071; Литвинов В. Воронежская духовная семинария в год прославления и открытия мощей Св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 34. Часть неоф. С. 833; Э. П. Р. Арсений (Иващенко), еп. // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 401–403; Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4-х томах. Т. 1: А — Й. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. С. 556–558.

⁷ Карпук Д. А. Материальное положение профессоров духовных академий во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургской духовной академии) // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции, Минск, 2 ноября 2016 г. Минск, 2017. С. 193–199.

⁸ Родосский А. С. Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (некролог) // Церковный вестник. 1903. № 9. Стб. 284.

«Странник»), редакторы которых сами по сути проводили первичную цензуру, одобряя или не одобряя тот или иной текст к печати. Другое дело, когда в цензуру свои рукописи представляли неопытные, но при этом иногда довольно амбициозные авторы, среди которых были как образованные священники, так и малограмотные крестьяне или отставные солдаты.

В качестве иллюстрации рассмотрим несколько случаев, когда архимандрит Арсений вынужден был запрещать рукописи к печати. Несмотря на то, что будет приведено небольшое количество примеров, считаем, что и они позволяют взглянуть на ключевые моменты из жизни духовных цензоров второй половины XIX в.

Начнем с акафистов, которых во второй половине XIX столетия в духовные комитеты поступало очень и очень много. Разумеется, их качество было разным. Что-то сразу пропускалось в печать, что-то сразу же забраковывалось, а с какими-то текстами цензоры вынужден были «возиться» длительное время, приводя их вместе с авторами в надлежащий вид с точки зрения содержания⁹.

В сентябре 1872 г.о. Арсений вынужден был запретить акафист св. ап. Иоанну Богослову. Цензор четко, хотя и кратко, сформулировал свои замечания. Во-первых, о. Арсений обратил внимание на «неправильность языка», т.е., стилистическую неяршливость. Во-вторых, в тексте акафиста встречались неясные и невразумительные выражения. В-третьих, в рукописи события из жизни апостола излагались не в хронологической последовательности. Наконец, в-четвертых, цензор обратил внимание на часто встречающееся «несоответствия воззваний в икосах с основной мыслью икосов»¹⁰. В итоге, на основании 236 статьи цензурного устава¹¹, рукопись была отклонена¹².

Следующая история с цензурированием акафиста оказалась более продолжительной и, как кажется, довольно любопытной. В июне 1872 г. архимандрит Арсений не пропустил к печати рукопись «Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, чудесами своими в чудотворной Ея иконе Почаевской благодатне сияющей», поскольку в ней встречались «ошибки против словосочинения славянского, выражения, часто неудобовразумительные, мысли, могущие вести к не православному пониманию учения веры»¹³. Примечательно, что акафист составил ни кто-нибудь, а законоучитель Нежинского лицея священник Андрей Хойнацкий, впоследствии протоиерей, автор многочисленных проповеднических,

Протоиерей Андрей Хойнацкий

⁹ См. подробнее: Попов А. В. Православные русские акафисты. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 807. Оп. 2. Д. 1513. Л. 20.

¹¹ «Но сочинения большие и малые с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения, противны образованным, бесполезны необразованным и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы» (Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. С. 42).

¹² РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 86 об.–87.

¹³ Там же. Л. 51 об.–52.

литургических и церковно-исторических сочинений, член Московского общества любителей духовного просвещения, церковно-археологического общества при Киевской духовной академии и исторического общества преподобного Нестора Летописца¹⁴. Как бы то ни было, по мнению архимандрита Арсения, несмотря на статус составителя, представленный акафист не заключал в себе никакой «назидательности»¹⁵.

На этом история не закончилась. В следующем 1873 г. священник Андрей Хойнацкий составленные им тропарь, канон и акафист Почаевской иконе Божией Матери представил уже в Московский духовный цензурный комитет, где эти тексты рассматривал протоиерей Филарет Сергиевский. Московская цензура была более благосклонна и в итоге акафист был разрешен и отправлен в Св. Синод, который и должен был, согласно уставу духовной цензуры, вынести итоговое суждение. Увы, вердикт высшего церковного органа был отрицательным. И здесь особый интерес представляет мотивационная часть: «при существовании общего акафиста и канона молебного Божией Матери издание акафистов в честь разных икон Ее представляется излишним»¹⁶.

Впрочем, священник Андрей Хойнацкий руки не опустил и, став уже протоиереем, представил акафист вместе с несколькими другими службами на рассмотрение в Синод в 1883 г. Итоговое решение по этим богослужебным текстам, спустя 10 лет, вновь пришлось выносить именно архимандриту Арсению. На этот раз цензор был более благожелателен, хотя и сделал целый ряд исправлений. В итоге, в 1883 г. акафист был разрешен. Смею предположить, что этому в определенной степени способствовало и то обстоятельство, что в 1883 г. отмечался пятидесятилетний юбилей «Почаевской Лары со дня включения ее в число православных российских лавр»¹⁷.

Отдельного внимания заслуживают рукописи с описанием чудес. Последние в синодальный период были под особым контролем священноначалия. В июле 1873 г. архимандрит Арсений не пропустил в печать переведенную с греческого языка рукопись «Чудеса Пресвятой Богородицы». Причина заключалась в том, что в тексте, по мнению цензора, заключались «сказания о чудесах, частью правдивую историей не подтверждаемые, частью странные историческими и даже географическими несообразностями наполненные, частью заимствованные из католических легенд сказочного характера»¹⁸.

Пришлось о. Арсению запрещать и сочинение (точнее, отдельные места), посвященное пока еще не причисленному к лику святых иеромонаху Серафиму Саровскому. Речь идет о представленной летом 1877 г. из типографии князя Владимира Владимировича Оболенского рукописи под названием: «Сказания о благодатных дарах пустынноика и затворника Саровския обители, иеромонаха Серафима». В итоге цензор запретил печатать содержащиеся в тексте «сказания новые против прежде известных в печати, сказания, не проверенные и не подтвержденные местной епархиальной властью»¹⁹. Мотивируя свой отказ, цензор сослался на синодальные указания, правда, без конкретики.

Это привело к тому, что князь Оболенский обратился с жалобой на цензора в Синод. Из сохранившегося в синодальной канцелярии архивного дела по данному вопросу видно, что автором-составителем жизнеописания и чудес иеромонаха Серафима Саровского являлся настоятель Павло-Обнорского монастыря игумен Иоасаф (Толстошеев)²⁰. Важно отметить, что о. Иоасаф был учеником прп. Серафима Саровского, впоследствии он примет схиму также с именем Серафим²¹.

¹⁴ Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. С. 68–69.

¹⁵ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 52.

¹⁶ Попов А. В. Православные русские акафисты. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 280.

¹⁸ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1535. Л. 59 об., 63.

¹⁹ Там же. Д. 1591. Л. 16.

²⁰ Букова О. В. Тьма никогда не скроет свет: жизнеописание схиигумена Серафима (Толстошеева), ученика прп. Серафима Саровского: размышления над страницами Дивеевской летописи в свете архивных данных. М.: Приход храма св. Духа сошествия, Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2010.

²¹ В одной из работ указывается, что игумен Иоасаф покинул должность игумена в январе 1877 г. (Берташ А., свящ. Павлов Обнорский во имя Святой Троицы мужской монастырь //

Игумен Иоасаф 31 августа 1877 г. написал доверенность на князя Оболенского, из текста которой следовало следующее: «Небезызвестно Вам, что я принял на себя труд издать жизнеописание и чудеса подвижника и пустынно-жителя Саровской обители — иеромонаха старца Серафима.

Не имея возможности лично испросить разрешение духовной цензуры на напечатание означенного издания, я уполномочиваю Ваше Сиятельство представить за Вашею подписью в С.-Петербургский Комитет Духовной Цензуры и получить из него рукопись о жизни и чудесах иеромонаха старца Серафима. В случае ежели бы Комитет Духовной Цензуры нашел неудобным допустить к печатанию означенное издание в целом или части его, прошу Вас испросить на это разрешение Святейшего Синода, для чего поручаю Вам подавать от Вашего имени в Святейший Синод и в другие Правительственные учреждения, а также и должностным лицам прошения, заявления, выслушивать решения, получать с них копии, изъявлять на них удовольствие или неудовольствие, приносить жалобы, словом вести это дело на правах полновластного владетеля, как бы я сам. Доверенность эту Вы можете передать в части, или целом другому лицу, и во всем, что Вы по ней законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду»²².

Князь Оболенский написал жалобу в Синод на неправильное, с его точки зрения, решение столичного духовного цензурного комитета 28 ноября 1877 г. Сначала князь отметил, что цензура в июле 1877 г. пропустила к печати только те сведения о чудесах, которые неоднократно публиковались в предыдущих изданиях и не разрешила печатать сведения о новых чудесах, «требуя о них удостоверения епархиальных начальств»²³. По мнению Оболенского, такое распоряжение было неправильным, поскольку новые «сказания» об о. Серафиме не представляли по сути, «никакого различия с прежде уже напечатанными, и кроме того они касаются лица известного всей России своими деяниями. Получение же удостоверений о них от всех епархиальных начальств представляется, по многосложности дела, невозможным, потому что новые сказания об отце Серафиме получены почти из всех губерний Империи и некоторые из них относятся к давно истекшему времени, и за тем все это повлечет за собою лишь подтверждение в чудесах подобных тем, которые уже были напечатаны»²⁴.

Синод вынужден был отреагировать на данную жалобу, отправив в виде указа запрос в столичный цензурный комитет на предмет того, кто и почему не пропустил рассматриваемую рукопись к печати в полном объеме. Примечательно, что в этом указе Синода, направленном в цензурный комитет от 11 января 1878 г. за № 60, автор-составитель игумен Иоасаф именуется уже схиигуменом Павло-Обнорского монастыря Серафимом²⁵.

Комитет в ответ на запрос Синода ответил, что сведения о новых чудесах были запрещены архимандритом Арсением на основании синодальных же указов от 31 августа 1850 г. за № 9273 и от 18 декабря 1868 г. за № 3735. Первым указом, после рассмотрения пропущенной столичным цензурным комитетом к печати книги «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (Ч. II. СПб., 1850), содержавшей рассказы о новых, но не подтвержденных местной церковной властью чудесах, было дано знать всем духовным цензурным комитетам, «чтобы все сочинения, в которых заключаются сказания о разных неизвестных нашей Церкви чудесах, они представляли с мнением в Св. Синод и ожидали разрешения»²⁶. Вторым указом

Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 172). Вместе с тем, из рассматриваемого дела видно, что игумен Иоасаф еще в августе 1877 г. являлся настоятелем монастыря, что подтверждается подписью судьи на доверенности, имеющейся в деле. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 2–2 об.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Д. 1617. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Л. 6.

Синод запретил публиковать в рукописи «Жизнеописание святителя Питирима» сведения о чудесах. Разрешалось только сделать примечание, что о чудесах святителя Питирима имеется запись в Тамбовском кафедральном соборе²⁷. Само собой предполагалось, что цензурные комитеты в схожих ситуациях будут поступать подобным же образом, т. е., не пропускать к печати сведения о новых чудесах, не засвидетельствованных епархиальной властью.

Рассмотрев ответ столичного духовного цензурного комитета, Св. Синод своим указом от 28 февраля 1878 г. просьбу князя В. В. Оболенского не удовлетворил, не разрешив печатать сведения о новых чудесах без подтверждения епархиальных начальств²⁸. Можно только предположить, учитывая статус просителя и духовный авторитет составителя, что данное дело доставило немало неприятных минут для о. Арсения.

Александр Дюма (сын)

Теперь, что касается запрещенных переводных сочинений. Например, в мае 1872 г. о. Арсений «по причине грамматических ошибок, неточностей в смысле, изуродовании текстов Св. Писания» не пропустил в печать сочинение некоего Попандопуло «Золотой труд»²⁹. Еще один запрещенный труд принадлежал перу ни кого-нибудь, а Александра Дюма (сына). Точнее, речь шла о нескольких страницах из памфлета последнего «L'homme-femme» («Мужчина-женщина», 1872). На указанных страницах, подлежащих рассмотрению духовной цензуры, согласно отзыву о. Арсения, речь шла о сотворении человека, о зле и искуплении.

Однако этот перевод ни в целом, ни в какой-либо своей части не мог быть разрешен к печати, «потому что мысли автора не основаны на Библии, а суть произведения фантазии и некоторого галантерейного отношения к женщине. В частности, мысли: о первом человеке, как муже-жене, которому Господь дал повеление плодиться, об организации женщины, о том, что вечность не доступна отдельной личности и др. такие мысли»³⁰. В итоге, на основании 237 статьи цензурного устава³¹, указанные страницы были запрещены.

Приходилось архимандриту Арсению цензурировать и совершенно безграмотные сочинения. Так, летом 1872 г. на его рассмотрение поступили две рукописи, написанные солдатом Федором Гудковым. Первая статья «О любви Иисуса Христа и Его святая заповедь к православным христианам, как мы должны любить друг друга и суд Господень», написанная в память о 200-летию со дня рождения Петра I, представляла собой сборник выдержек из Св. Писания и нескольких церковных книг. В итоге она была запрещена «по причине безграмотности изложения, искажения текстов Св. Писания, спутанности понятий и неудобовразумительности

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. Л. 7–8 об.

²⁹ Там же. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 41 об.

³⁰ Там же. Л. 101.

³¹ «Сочинения, в которых под предлогом благонамеренного и основательного исследования вопросов, касающихся христианской веры Церкви, приводятся в сомнения важные истины веры, или постановления Православной Церкви, как неблагонамеренные сочинения, не должны быть пропускаемы в напечатанию» (Устав цензурный... С. 42).

предмета»³². Суждение о второй статье того же автора под названием «Домашние беседы» также было отрицательным и при этом довольно резким. Рукопись была запрещена «по причине лживости представления о некоторых предметах, клеветливости на Слово Божие, изуродованию текстов и мыслей Св. Писания, неправильности понимания дела, не обозначению имен Св. Отцов, коих слова приводит автор, неуместных острот и хитрословия, противоречий себе и, наконец, исключительности в постановке предмета, как будто чтение Св. Писания есть единственный руководитель к спасению нашему»³³.

Приходилось духовным цензорам проверять в том числе и изображения. Причем речь шла не обязательно об иконах. Так, в мае 1872 г. архимандрит Арсений не пропустил к печати рисунок «Освящение русской церкви в Ницце», присланный из гражданского цензурного комитета. Причин было несколько. Во-первых, цензор не смог рассмотреть надпись на рисунке, которая была «сделана неявственно, так что смысла не примечается, кроме слова “оупокою”». Во-вторых, непонятным было положение первенствующего священнослужителя на рисунке. Наконец, в-третьих, цензор никак не мог понять, «какой именно момент в освящении схвачен кистью художника». В итоге цензор заключил, что этот рисунок, «без надлежащего исправления, к печатанию дозволен быть не может»³⁴.

Разумеется, цензуре приходилось проверять и стихотворения, обращая внимание не только на содержание, но и на форму. В январе 1873 г. о. Арсений запретил, присланное из Одессы стихотворение «Ангел и демон», поскольку основная мысль произведения сводилась к учению о предсуществовании душ. Кроме того, встречались в сочинении недостойные о небожителях мысли, а также выражения, противоречащие, по мнению цензора, морали и нравственности (например, о. Арсению не понравились выражения «счастливой грешницы» и «невинной грешницы») ³⁵.

Если говорить собственно о богословских сочинениях, то в 1873 г. цензор запретил присланную из гражданского столичного цензурного комитета рукопись под весьма своеобразным названием «Легкий катехизис». Архимандрит Арсений сразу же отметил неуместность подобного заголовка. Что же касается содержания, то было обращено внимание на то, что катехизис «проникнут лютеранством и по местам необстоятельно излагает дело»³⁶.

Время от времени цензорам попадались, насколько можно судить из кратких отзывов, и публицистические работы, которые по несоответствию тогдашней церковной политике, также запрещались. Например, в 1874 г. о. Арсений запретил статью «Одна лишь Изгарь без блесков» «по неосновательности и резкости суждений о предполагаемой реформе церковного суда»³⁷. Учитывая то обстоятельство, насколько острым был тогда и остается сейчас вопрос о церковном суде, остается только догадываться, в каких именно выражениях автор запрещенной рукописи высказывался об этой проблеме.

В ноябре 1872 г. о. Арсению пришлось рассматривать брошюру, посвященную чрезвычайно острой на тот момент времени международной церковной проблеме — «Болгарской схизме». Рассматриваемая брошюра под названием «Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате», судя по всему, отражала греческую позицию. И из краткого, но при этом максимально деликатного отзыва цензора, можно сделать вывод, что в тексте содержалась критика позиции, которую занял Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви. О. Арсений запретил брошюру, ссылаясь на 237 и 239 статьи цензурного устава, отмечая следующее: «В ней (брошюре. — Д. К.) выражается преждевременное

³² РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Л. 60.

³³ Там же. Л. 60–60 об.

³⁴ Там же. Л. 42.

³⁵ Там же. Д. 1535. Л. 4 об., 10.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Д. 1551. Л. 15.

и небеспристрастное суждение о важном деле, касательно решения коего миролюбивым и справедливым образом заботятся пастыри Церкви, и заключаются как обидно вызывающий тон по отношению к высшему Церковному Правительству, так и несправедливые нарекания на Св. Синод Русской Церкви»³⁸.

Нужно было духовным цензорам отчасти разбираться как в истории, так и в нумизматике. Например, в декабре 1875 г. о. Арсений запретил, «по странности воззрений и неосновательности догадок», представленное в прозе и стихах «Описание золотой монеты с изображением Муция Сцеволы» некоего Пасовского³⁹. Возможно, краткость отзыва вынудила автора представить свою рукопись повторно. Поэтому в апреле следующего 1876 г. о. Арсений вынужден был вновь рассматривать указанное выше «Описание». Правда, в этот раз отзыв был более развернутым, так как необходимо было аргументированно пресечь все возможные в дальнейшем попытки представлять рукопись к печати.

Итак, из нового отзыва следовало, что Пасовский представил в цензурный комитет рукопись, включающую три отдельных сочинения: 1) Описание золотой римской монеты с изображением Муция Сцеволы; 2) Второе странное воззрение с основательной догадкой и доказательством на первое; 3) Стихотворное пояснение той же монеты⁴⁰. Что же смутило и заставило выдающегося специалиста в области византологии о. Арсения отказать автору в пропуске к печати его прозаических и поэтических комментариев в отношении указанной монеты? Во-первых, автор считал рассматриваемую им монету выбитой римлянами в память Муция Сцеволы в 5000 году от сотворения мира и притом с аллегорическим указанием именно на этот год. Однако, как справедливо указывает цензор по сути на школьную ошибку автора-«исследователя», римляне не имели понятия о сотворении мира, считали мир вечным и летоисчисление свое вели от основания Рима. Во-вторых, на монете читалось слово «civilis», а не Сцевола. Кроме того, золотая монета появилась в Риме только спустя двести лет после Сцеволы. В-третьих, придаваемый монете символический смысл — указание на имеющего родиться Спасителя миру, Сына Божия, совершенно произволен и бездоказателен. Наконец, в-четвертых, путаница в изложении, недостаток понимания дела и малограмотность таковы, что, как считал цензор, «затрудняют чтение и понимание произведений автора, не говоря уже о странности самого содержания; в пример грамотности можно предоставить первые страницы “Второго странного воззрения” и “Стихи”, где пострямляется (так в тексте. — Д. К.) Ренан с своим выводом в сочинении *Via Iesu* (как будто Ренан по-латыни написал какой-то “путь Иисуса”)»⁴¹. Данная рукопись вполне оправданно была запрещена на основании 236 статьи устава духовной цензуры.

Завершая этот общий разговор о цензурской деятельности архимандрита Арсения в Санкт-Петербургском духовной цензурном комитете для полноты картины следует отметить, что о. Арсений с 1865 по 1868 гг. был цензором проповедей духовенства Воронежской епархии, а в 1888–1889 гг. состоял цензором изданий «Общества любителей духовного просвещения» в Москве⁴². Другими словами, цензурская деятельность красной нитью проходит практически через всю жизнь епископа Арсения. При этом, рассмотренные материалы позволяют утверждать, что владыка был всегда максимально внимателен к поступающим рукописям, пропуская или даже поправляя некоторые тексты, и запрещая тексты или совершенно безграмотные, или подлежащие ограничениям на основании указов Св. Синода. В том числе и этим профессионализмом можно объяснить тот факт, что архимандрит Арсений в 1886 г. сначала был перемещен в Москву, а затем рукоположен в архиерейский сан.

³⁸ Там же. Д. 1519. Л. 105.

³⁹ Там же. Д. 1567. Л. 107 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1584. Л. 34 об.

⁴¹ Там же. Л. 34 об., 40.

⁴² Кедринский М. † В Бозе почивший Преосвященный Арсений... С. 266.

Между Сциллой и Харибдой духовно-цензорской деятельности владыка Арсений прошел вполне достойно, хотя и не без неприятных для себя историй.

Источники и литература

1. *Андреев Г. Л.* Христианская периодическая печать на русском языке. Библиографический указатель. Т. 1: А — М. New York, 1998. 213 с.
2. *Берташ А., свящ.* Павлов Обнорский во имя Святой Троицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 165–176.
3. Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4-х томах. Т. 1: А — Й. Киев: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014. 576 с.
4. *Букова О. В.* Тьма никогда не скроет свет: жизнеописание схиигумена Серафима (Толстошеева), ученика прп. Серафима Саровского: размышления над страницами Дивеевской летописи в свете архивных данных. М.: Приход храма св. Духа сошествия, Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2010. 656 с.
5. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. 120 с.
6. *Карпук Д. А.* Материальное положение профессоров духовных академий во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургской духовной академии) // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции, Минск, 2 ноября 2016 г. Минск, 2017. С. 193–199.
7. *Кедринский М.* † В Бозе почивший Преосвященный Арсений, еп. Кирилловский // Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 5. Часть неоф. С. 264–275.
8. *Литвинов В.* Воронежская духовная семинария в год прославления и открытия мощей Св. Тихона Задонского // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 34. Часть неоф. С. 829–836.
9. *Певницкий Д., прот.* Академические воспоминания † протоиерея Д. Ф. Певницкого // Киевские епархиальные ведомости. 1915. № 4. Часть неоф. С. 81–84.
10. *Попов А. В.* Православные русские акафисты. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 656 с.
11. *Родосский А. С.* Арсений (Ивашенко), епископ // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина: в 12-ти томах. Т. 1: А — Архелая. Пг., 1900. Стб. 1068–1071.
12. *Родосский А. С.* Памяти преосвященного Арсения, епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Ученые богословские труды покойного // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 936–942.
13. *Родосский А. С.* Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (некролог) // Церковный вестник. 1903. № 9. Стб. 284–286.
14. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 158. Д. 854. По жалобе поверенного, от схиигумена Павло-Обнорского монастыря Серафима, князя Оболенского на С.-Петербургский Духовно-цензурный Комитет, по поводу не разрешения к напечатанию вновь собранных сказаний о чудесах стара Серафима. 10 л.
15. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1513. Бумаги за сентябрь месяц 1872 г. Дело о рассмотрении рукописей: Лекки «История возникновения и влияния рационализма в Европе», И. Пржецлавского «Спиритизм пред судом здравого смысла» и др. 30 л.
16. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1519. Журналы заседаний Комитета за 1872 г. 116 л.
17. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1535. Журналы заседаний Комитета за 1873 г. 106 л.
18. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1551. Журналы заседаний Комитета за 1874 г. 111 л.
19. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1567. Журналы заседаний Комитета за 1875 г. 123 л.
20. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1584. Журналы заседаний Комитета за 1876 г. 113 л.

21. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1591. Бумаги за месяц июль 1877 г. О рассмотрении рукописей и книг: «Календари на 1878 г.», свящ. Ф. Морева «Поучения...» и др. 32 л.
22. Спасский А. А. † Преосвященный Арсений, епископ Кирилловский, и его труды в области византологии // Византийский временник. 1903. Т. X. Вып. 3–4. С. 667–703.
23. Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. 909 с.
24. Э. П. Р. Арсений (Иващенко), еп. // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 401–403.